

„Сов. артист“ 15 мая 1966 г.

НИНА ТИМОФЕЕВА — МЕХМЕНЭ БАНУ

АКТЕРЫ
И РОЛИ

КАЖДОМУ из нас приходится встречаться с актерами, приспособляющимися различные роли к своим природным данным. Одни из них довольствуются успехами, достигнутыми в исполнении так называемых «голубых ролей», другие — расширяют свой репертуар за счет партий демихарактерного плана, оставаясь самими собой в образах чисто классических и не пытаясь как-то разнообразить и художественно индивидуализировать свои сценические творения. Вот почему встреча с художниками, по-настоящему ищущими и пытливыми, всегда радостна не только для зрителей, но и для товарищей по профессии. Радость эта увеличивается, когда творческая принципиальность артиста видна в начале его деятельности.

Нина Тимофеева сегодня идет в первых рядах того поколения советских актеров, которых с уважением называют молодыми мастерами. Да, среди молодых она уже зрелый художник, владеющий даром подлинного сценического перевоплощения. Ее жизнь в искусстве танца — это непрерывное постижение всех тонкостей классического репертуара и всего нового, что предлагают поиски передовых современных хореографов.

89 раз мне довелось танцевать с Н. Тимофеевой. Я всегда ценил ее мастерство и талант. Но совершенно естественно, что поглощенность собственными сценическими и техническими задачами мешала мне внимательно анализировать творчество этой балерины. «Лицом к лицу — лица не увидать, большое видится на расстоянии...».

И вот трижды просмотренный в нашем театре спектакль, созданный на основе старинной легенды о любви Ферхада и Ширин, убедил меня, что искусство Н. Тимофеевой достойно самого пристального внимания, внимания не только зрителей, но и нас, профессионалов.

Исполнение Н. Тимофеевой роли Мехменэ Бану усиливает значительность этого образа прежде всего тем, что актриса по-настоящему постигла глубину мыслей, силу и высоту чувств, и скажу больше — философскую значимость образа.

С моей точки зрения, Н. Тимофеева — одна из немногих исполнительниц Мехменэ Бану, которая доводит исполнение этой роли до уровня авторов спектакля.

«Легенда о любви»... Мехменэ Бану, Ферхад и Ширин — три основных персонажа — связаны

между собой очень сложными взаимоотношениями. Их острая конфликтность и противоречивость уживаются с чувством любви, уважения и даже преклонения друг перед другом. Они все значительные и целеустремленные

На снимке: Н. Тимофеева — Мехменэ Бану.

ные личности. И именно эту тему — тему человеческого благородства и мудрости — несет в своем исполнении Н. Тимофеева. Артистка нигде не опускается до поверхностного изображения чувств ревности, мести, тоски. Каждая краска в созданном ею сценическом портрете служит раскрытию философской сущности произведения.

ПО ВНЕШНЕМУ облику, скупости жестов, величественности поз она — царица, восточная женщина, умеющая таить свои чувства, скрывать страдания. Но Н. Тимофееву, как и постановщика Ю. Григоровича, меньше всего увлекал подчеркнутый восточный колорит. В сюжетных ходах и красках этой восточной сказки раскрывается целая человеческая драма, выходящая за пределы узко национального. Самопожертвование, долг и искренность — вот о чем повествует образ Мехменэ Бану.

Огромной радостью для нас, артистов — участников спектакля, была возможность творить, думать, искать, имея такой драматический материал и яркий хореографический текст, как в «Легенде о любви». И большим достоинством Н. Тимофеевой я считаю то, что она нигде и ни в чем не выступает в спектакле только как инструментально точная исполнительница.

В рисунке образа, созданного артисткой, ощущается активный и смелый творец, умеющий сложное, противоречивое передать очень ясными приемами, свойственными только Н. Тимофеевой. В ее образе чувствуется желание не быть похожей ни на одну другую исполнительницу роли Мехменэ Бану.

...В полутонах начинает Н. Тимофеева спектакль. Маленький монолог перед колдовством построен на сдержанных жестах, на очень скупом рисунке, хотя это, казалось бы, момент главного ее подвига, подвига, на который мало кто из женщин способен. Стараясь ничем не выдать своего внутреннего волнения и отчаяния, готовая на любое испытание ради спасения сестры, как перед иконой, стоит она перед Незнакомцем, способным сотворить чудо.

Эта сдержанность в начале спектакля дает Н. Тимофеевой огромный эмоциональный запас для раскрытия образа по нарастанию, доведя его до кульминации в монологе второго акта. Ярко, удивительно лаконично проводит актриса эту драматически насыщенную сцену, где в бурной пластике выражаются протест, отчаяние, безысходность, сменяющиеся царственным спокойствием. Медленной, уверенной поступью идет Мехменэ Бану к трону; никто не должен знать, никто не должен видеть ее страдания...

СОВСЕМ другое передает актриса в динамической сцене погони, полной сложного психологического подтекста. Она раскрывает душевное смятение своей героини; это уже не личные страдания женщины, а оскорбление государства, не трагедия поруганного доверия, а измена человеку, облеченному властью. У актрисы меняются жест, пластика тела, рук, она становится похожей на своих придворных, как бы еливаясь с ними в единое целое.

Но вот беглецы пойманы. Начинается второе трио и монолог, во время которого принимается решение разлучить Ферхада и Ши-

рин. Движения рук Мехменэ Бану передают стон души царицы, они словно хотят схватить убегающие мысли, насканивающие одна на другую. Как найти мгновение для принятия правильного решения? Как остановить неумолимый бег времени?

Н. Тимофеева как бы делает присутствующих свидетелями и соучастниками своих раздумий: зрители понимают, что перед тем, как принять решение, Мехменэ, как справедливый судья, кладет на чашу весов силу любви каждого, включая и себя. Отправляя Ферхада пробивать каменную гору, она обращается в зрительный зал, как бы призывая всех не только в свидетели и судьи, но и в адвокаты своих поступков.

В трактовке третьего акта актриса опирается на сущность произведения Назыма Хикмета, и эта психологическая сложность освобождает адажио Мехменэ и Ферхада от сексуального подтекста, налета чувственности. Мехменэ Бану любит Ферхада. Но сильнее этой любви преклонение ее перед силой, величием его чувства; она воспринимает Ферхада как символ истинной любви, как нечто большее, чем реальность. Весь дуэт окрашен в светлые тона.

Н. Тимофеева удивительно чутко воспринимает хореографический стиль Ю. Григоровича. В этом актрисе помогает и безукоризненная техника, не оставляющая почти никаких надежд самому критическому глазу, и музыкальность. Технику балерины как бы не замечаешь, а лишь осознаешь факт, что техника поистине служит артистке средством выражения чувств и переживаний ее героини. Самым сложным техническим комби-

На снимке: Н. Тимофеева — Мехменэ Бану.

нациям Н. Тимофеева старается придать образный смысл. Так, в сцене погони перед fouetté поза актрисы совсем не похожа на обыкновенный preparation: ее раскрытые в сторону руки и наклоненный корпус напоминают рывок перед бегом; а следующие затем двойные fouetté с выходом в пируэт à la seconde передают всю экспрессию погони.

Исполнением роли Мехменэ Бану Н. Тимофеева доказала поистине огромные возможности для индивидуальной трактовки образов в искусстве хореографии. Она, с моей точки зрения, завоевала право на исполнение трагических образов, доказав, что может через образ великолепно вскрыть самую сложную драматургию, призывая зрителя увидеть все происходящее на сцене сквозь призму современности.

М. ЛИЕПА,
заслуженный артист РСФСР.